

Ольга Эдельман

Декабристская автобиография: проблемы источниковедческой интерпретации

Decembrists' autobiography: problems of interpretation of sources

The similarity of the memoirs of the Decembrists originates not only from the common social, cultural and ideological background of the authors, but also from the fact that they all discussed their prison term in Siberia. This way, their individual memory melted into a collective one. However, the memoirs allow us to see some specific features of the protagonists of the Decembrist generation.

Давняя исследовательская традиция, сложившаяся вокруг декабристской проблематики¹, как раз в силу своей давности позволяет иногда менять ракурс и, пользуясь актуальными подходами и новыми методами, задавать казалось бы хорошо изученному материалу свежие вопросы, рассматривать его под иным углом. Декабристская мемуаристика традиционно интересовала исследователей прежде всего в рамках классического источниковедения, то есть для определения полноты, достоверности, информационных возможностей этой группы

мемуарных текстов и затем использования их сведений для выстраивания истории декабризма. Попутно авторы работ о декабристских воспоминаниях, разумеется, высказывали более или менее общие суждения о характере и особенностях каждого из мемуаристов. Представляется, однако, что при современном пристальном и специальном интересе к автобиографии как жанру и повествовательным стратегиям как отдельной исследовательской проблеме разговор о декабристской мемуаристике далеко не исчерпан. Собственно, традиционно эти тексты не рассматривались специально как автобиографические. В некотором роде, речь идет о том, чтобы 'перевернуть наоборот' привычную источниковедческую методику: вместо разбора особен-

¹ К настоящему времени изданы четыре обобщающих библиографических указателя по теме: Ченцов, Пиксанов 1929, Эймонтова 1960, Эймонтова 1983 и Дробышевская, Мищенко, Мордвинова, Стельмашок, Шишкина 1994.

ностей повествования для того, чтобы определить информационные возможности текста, напротив, основываясь на установленных информационных возможностях сосредоточиться на логике и целях повествования (зачастую не вполне артикулированных мемуаристом перед самим собой). Отдавая себе отчет в невозможности исчерпать эту тему в рамках одной статьи, так же как и в том, что воспоминания каждого из декабристов заслуживают отдельного анализа, позволю себе высказать ряд наблюдений об этом мемуарном комплексе.

Любой разговор о мемуарах и иных источниках по истории движения декабристов сталкивается с одним и тем же фундаментальным затруднением, связанным с составом корпуса наличных документов. Его необычность, по сравнению с документацией более поздних политических и революционных течений, заключается в том, что декабристские тайные общества почти не оставили письменных следов своей деятельности².

Они не выпускали прокламаций и листовок, не издавали газет, не вели протоколов съездов и пленумов; декабристы не занимались политической публицистикой (их выступления в печати были литературными и литературно-критическими), не вели конспиративной переписки. Наконец, в ожидании ареста большинство из них благоразумно сожгли свои бумаги. Таким образом, основными видами источников о декабризме как общественно-политическом феномене являются мемуаристика и следственные материалы. Исследователь вынужден сопоставлять их, взаимно проверяя мемуары показаниями, а показания мемуарами и то и дело вспоминая об уроборосе, кусающем зубами собственный хвост. Сложность этих видов источников очевидна: от показаний на следствии странно ожидать полноты и правдивости, а мемуары пишутся спустя значительный промежуток времени и несут следы влияния прожитых лет и сменившейся исторической эпохи. Но отсутствие других видов документов заставляет тем

² Можно назвать только рукописи конституционных проектов Павла Пестеля и Никиты Муравьева, Устав Союза Благоденствия и несколько частных писем, в которых политиче-

ские дела присутствуют лишь намеком.

более пристально подходить к анализу имеющихся.

Многие исследователи, обращавшиеся к декабристским мемуарам, так или иначе обсуждали их как источник. Особенно следует отметить обстоятельные и во многом образцовые вступительные статьи к томам иркутской серии 'Полярная звезда', посвященной публикации воспоминаний и писем декабристов. Н.П. Матханова посвятила главу в своей книге анализу сибирской части декабристской мемуаристики (Матханова 2010: 150–171).

Работая над книгой о следствии по делу декабристов (Эдельман 2010: глава 5; Эдельман 1995), я предприняла попытку решить упомянутый источниковедческий ребус, сравнив ту часть декабристских записок, где говорится о следствии как таковом, со следственными делами мемуаристов и таким образом верифицировать воспоминания, фактографически подтвердить их или опровергнуть³. Сравнение позволило

³ Следственные дела декабристов опубликованы в томах документальной серии 'Восстание декабристов', основанной в 1925 г. специально для издания материалов следствия над декабристами (Восстание декабристов 1925–2016). В настоящее время вышло 23 тома, составителем послед-

заметить ряд особенностей каждого рассказчика: степень точности его памяти, правдивость, подробность рассказа. Вместе с тем, как раз воспоминания о следствии показывают наличие и значение формирования 'сибирского предания' как коллективного комплекса воспоминаний. По замечанию Н.П. Матхановой, "в казематском сообществе произошли превращение индивидуальной памяти в социальную, идентифицирующую группу, выработка 'коллективной истории'" (Матханова 2010: 160).

Осужденные в каторжные работы декабристы оказались в длительном совместном заключении в Сибири, сначала в Чите, затем в Петровском Заводе. Основой для приговора послужили их собственные показания, которые так или иначе давали все декабристы. Каждый имел причины и винить товарищей, и чувствовать себя виноватым. Между тем, им предстояло провести годы в тесном общении друг с другом и изоляции от остального мира. Известно, что они сумели держаться с удивительным достоинством, со-

них трех является автор настоящей статьи, работа над следующими томами (запланировано еще два) продолжается.

хранить между собой мир и доброе согласие, дух товарищества и взаимопомощи. Это разительно отличается от того, что известно о более поздней политической ссылке, расколотой на враждующие группы и группки, полной ссор и дразг, зачастую выдаваемых за принципиальные разногласия. Сами декабристы сообщали чрезвычайно скромный рецепт сохранения добрых товарищеских отношений, ссылаясь на то, что запретили в своей среде пьянство и азартные игры. Несомненно, этого не могло быть достаточно. Ключ к пониманию феномена их взаимоотношений в том, каким образом они распорядились болезненными воспоминаниями о следствии и допросах. В Сибири, особенно на первых порах, они не могли не обсуждать происходившее во время следствия, им необходимо было каким-то образом изжить этот трагический этап, достичь прощения и примирения. Для этого послужила сложившаяся у них версия о нечестности следствия и 'подложных показаниях'. Вряд ли она была придумана намеренно, но легко представить, как она родилась из стремления одних оправдать себя, говоря о том или ином эпизоде ли-

цом к лицу с пострадавшими от их излишней откровенности товарищами, и готовности других принять эти оправдания как удобный для всех способ изжить травму и сохранить возможность общежития, тем более что почти каждый из декабристов мог многократно оказаться в обоих ролях. Декабристы с большей или меньшей степенью осознанности освободили друг друга от чувства вины и взаимных упреков, возложив всю ответственность на Следственный Комитет, приписав ему неблагоприятный способ действия, а также убедив себя в том, что происходившее на допросах вообще было не столь важно, поскольку участь мятежников была предрешена заранее. Таким образом им удалось перешагнуть, преодолеть взаимные обиды и претензии, ужиться вместе в длительном заключении. Это было тем легче проделать, поскольку степень осведомленности обвиняемого об общей картине следствия всегда ограничена, мотивы и методы действия обвинения неизбежно остаются для него лишь угадываемыми. А при той законодательной неопределенности, в которой происходил процесс декабристов, сфера домысливания оказывалась

особенно обширна. Я хочу подчеркнуть: речь не идет о лживости декабристского коллективного предания, но о логичных в их положении психологических уловках. Сам по себе факт существования сибирской версии истории допросов достоин внимания как существенная часть механизма позитивного коллективного переживания проблемного прошлого.

Это коллективное, консенсусное декабристское предание о следствии зафиксировано в воспоминаниях зачастую даже в ущерб личной памяти авторов. Практически все они подчеркивали, что участь их была предreshена заранее, суд и следствие являлись не более чем ширмой, а следствие было не только предвзятым, но и нечестным, на допросах узникам предъявляли вымышленные признания их товарищей. В.И. Штейнгейль писал, что “восстанавливали одного против другого, объявляя, будто бы тот показывает в его обвинение” (Штейнгейль 1985: 165). Н.И. Лорер об “обманчивых, лживых” вопросах, М.С. Лунин, М.А. Фонвизин, Н.А. Бестужев, А.М. Муравьев – о вымышленных следствием признаниях (Лорер 1984: 97; Лунин 1987: 67; Фонвизин 1982: 195; Бестужевы 2005: 38–39;

Муравьев 1931: 128–129). В.И. Штейнгейль, А.М. Муравьев, М.С. Лунин, М.А. Фонвизин все свели свой рассказ к изобличению недобросовестности Следственного Комитета, причем излагали эпизоды, случившиеся с кем-то из товарищей, но не собственные, непосредственные воспоминания, или считая их чем-то менее интересным, или же избегая углубляться в этот пласт тяжелых переживаний.

Однако, при изучении всей совокупности следственных материалов найти среди них ‘подложные показания’ не удастся. Весь ход следствия был тщательно документирован, показания всегда писались декабристами собственноручно (за исключением первого допроса, который проводил и записывал генерал В.В. Левашов). Документы следствия вполне ‘прозрачны’, источник появившейся в вопросах информации всегда прослеживается. Приводимые в воспоминаниях эпизоды, связанные с предъявлением на допросе подложных показаний, следственными делами не подтверждаются. Характерный случай – записки П.И. Фаленберга, который утверждал, что обвинение против него целиком было построено на его собственном опромет-

чивом самооговоре: деморализованный арестом и поверив в возможность заслужить прощение откровенностью, он объявил, что якобы разделял намерение цареубийства. Изложение этой истории со слов Фаленберга можно найти в ряде декабристских записок. Однако его следственное дело рисует совершенно иную картину, как убедительно показал еще в 1931 г. публикатор записок Фаленберга А.В. Предтеченский (Предтеченский 1931: 205–222).

Кажется вероятным, что одним из главных бенефициаров или даже создателей сибирской коллективной версии о нечестности следствия мог быть С.П. Трубецкой. Его записки (Трубецкой 1983), как и сама личность князя, вызывали в историографии неоднозначные суждения. Н.М. Дружинин, автор написанной в 1932 г. статьи *С.П. Трубецкой как мемуарист* (Дружинин 1985: 370), назвал записки “тенденциозно-публицистическим произведением”, направленным среди прочего на самооправдание автора. С Дружининым согласился М.К. Азадовский, полагавший, что в воспоминаниях Трубецкого “очень часто извращается историческая действительность”, а пером де-

кабриста “руководило стремление двойной реабилитации: и “реабилитации” самого заговора, и своей роли в нем” (Азадовский 2005: 663). Сходного мнения придерживалась М.В. Нечкина (Нечкина 1955: 47). Напротив, публикатор наследия Трубецкого В.П. Павлова пришла к выводу, что “достоверность излагаемых Трубецким фактов подтверждается в большинстве случаев” (Трубецкой 1983: 355–356)⁴. Парадоксальным образом и те, и другие суждения обоснованы. С.П. Трубецкой-мемуарист не столько искажал факты, сколько отбирал их. Любой эпизод его записок, поддающийся проверке другими источниками, как верно замечала В.П. Павлова, оказывается вполне достоверным и точным. Проблема в том, как ловко и умно Трубецкой отбирал информацию, манипулируя ею и выстраивая удобный для себя образ.

Даже по форме повествования видно, что следствие было для Трубецкого особенной проблемой. Эта часть его записок выделяется более личным характером и написана от первого лица, тогда как в остальном тексте Трубецкой говорит

⁴ Мнение В.П. Павловой встретило серьезные возражения Е.М. Даревской (Даревская 1990: 151–160).

о себе в третьем лице. Все, что он рассказывает о допросах, подтверждается следственным делом детально. Но оно же демонстрирует, о сколь многом декабрист умолчал, причем избирательность его памяти была далеко не случайна и тщательно продумана.

В записках С.П. Трубецкой предстает как уверенный в правоте своих убеждений, мужественный человек, замученный тяжелыми допросами, старающийся не выдавать товарищей, при этом понимающий, что Комитет и следствие “ничто более как комедия”, участь мятежников решена заранее и они обречены на долгое заточение. Он признавался с сожалением, что иногда вырывались у него “неосторожные слова”, которые могли навредить товарищам (Трубецкой 1983: 264). Следственное дело Трубецкого показывает совсем другую картину. Он защищался упорно и расчетливо, пытался переложить ответственность за 14 декабря на ближайших сподвижников – К.Ф. Рылеева, И.И. Пущина, Е.П. Оболенского. Трубецкой старался уверить Комитет, что хотя входил в число ведущих и давних членов тайного общества, но давно в нем разочаровался и оставался в нем только, чтобы следить за опасны-

ми действиями радикально настроенных членов, в первую очередь П.И. Пестеля. Против Пестеля он по собственному почину дал впечатляющие показания. В записках Трубецкой не только не обмолвился об этом ни словом, но и лицемерно писал, как удивлялся, что не получал вопросов о Южном обществе (Трубецкой 1983: 263). Вместе с тем, характеристика, которую он дал своему поведению на следствии, тоже в какой-то мере справедлива. Трубецкой действительно старался не вредить товарищам и не говорить лишнего, если того не требовалось для защиты себя.

Трубецкой-мемуарист искусно манипулировал фактами, создавая видимость точности и подробности рассказа, которая отчасти могла даже выдержать проверку фактами. Зачем ему это было нужно? Почему он не предпочел просто обойти неудобные страницы прошлого молчанием? Объяснение следует искать в трудном положении, в какое Трубецкой попал в Сибири, в общей тюрьме с товарищами. Не явившийся на Сенатскую площадь 14 декабря, несостоявшийся диктатор Трубецкой, должно быть, морально чувствовал себя не очень уютно. Ему хотелось оправдаться. Пи-

сать записки он начал, по предположению исследователей, живя в ссылке на поселении, но устная их версия могла появиться значительно раньше, в разговорах с товарищами, когда складывалось их коллективное предание. Одним из его активных творцов и мог быть Трубецкой, поскольку манипулирование обстоятельствами в его записках намного более мастерское и ловкое, нежели у других декабристов.

В целом, поскольку наиболее проблемной частью декабристской памяти была ситуация следствия, то именно с ней сопряжено и наибольшее число поддающихся выявлению случаев отклонения мемуаристов от строгой правды. В остальном все они, включая Трубецкого (но исключая Д.И. Завалишина), отличались несомненной искренностью, честностью, добросовестностью.

Высока степень точности и достоверности воспоминаний А.Е. Розена (Розен 1984), который не только очень отчетливо помнил события, но даже – что редкость для мемуаров – не ошибался в датах. У таких искренних и правдивых мемуаристов, как А.П. Беляев (Беляев 1882; Беляев 1990) и А.С. Гангблов (Гангблов 1888),

память была не столь точной, изложенные в их мемуарах события зачастую путаются и наслаиваются друг на друга.

И.Д. Якушкин, по выражению публикатора его записок С.Я. Штрайха, имел репутацию “правдивейшего человека своего времени” (Якушкин 1951: 516). И.А. Миронова также отмечала обстоятельность, достоверность и правдивость его записок (Миронова 1963: 147), хотя оба исследователя указывали и на ряд фактических неточностей и ошибок. Сопоставив записки И.Д. Якушкина (Якушкин 1951; Якушкин 1993) с его следственным делом, можно убедиться, что он описал следствие очень добросовестно и даже даты указал довольно точно. Из содержания допросов декабристу запомнилось главное и самое опасное, о так называемом ‘Московском заговоре’ 1817 года, когда он вызвался совершить цареубийство. Свое поведение на следствии Якушкин оценивал весьма сурово: давая какие бы то ни было показания, совершаешь “ряд сделок с самим собою”, это “тюремный разврат”. Между тем, в реальности на допросах Иван Дмитриевич держался так, что особых причин упрекать себя у него не было. Строгость декабриста к себе и сдержан-

ность в описаниях своих переживаний не позволяют читателю его записок узнать о душевном кризисе, пережитом Якушкиным в тюрьме. Он, до того и позднее называвший себя атеистом, под влиянием тюремного заключения накануне Пасхи 1826 года высказал желание причаститься. Когда священник П.Н. Мысловский доложил об этом в Комитет, с Якушкина по случаю его раскаяния сняли кандалы (*Восстание декабристов*, т. 16: 165). В записках декабрист представил согласие причаститься как формальный жест для облегчения своего положения. С Мысловским у него сложились дружеские отношения, и он с легкой иронией говорил о тщеславии священника, рапортовавшего об обращении неверующего. По натуре правдивый и сдержанный, Якушкин не пожелал описывать в мемуарах чувства, которые позднее сам расценивал как слабость, но и умолчать о них вовсе не считал возможным. В результате можно сказать, что записки И.Д. Якушкина рисуют автора человеком более твердым, неколебимым, менее эмоциональным, чем он был в жизни. Члены Южного общества Н.И. Лорер и Н.В. Басаргин оставили яркие, интересные воспо-

минания (Лорер 1984: 97-99). При сравнении их со следственными делами заметно, что Н.И. Лорер, описывая свои допросы, опустил ряд деталей, объединил события, несколько упростил ход дела. Он умолчал о двух написанных им письмах в Следственный Комитет, в которых просил о прощении и уверял, что внутренне давно отошел от тайного общества. Из-за этих умолчаний декабрист выглядит в мемуарах более стойким, чем то было в реальности. Н.В. Басаргин был точнее в изложении событий. Воспоминания обоих сближает одно обстоятельство: оба они постарались обойти молчанием роль, которую сыграл во время следствия П.И. Пестель, дававший обширные, подробные показания и в сущности погубивший ими и себя, и товарищей.

Н.И. Лорер, друживший с Пестелем и служивший в его полку, вспоминал о нем с большой теплотой и, кажется, так и не смог поверить в то, что Пестель давал откровенные показания. В принципе, южные декабристы, получая вопросы, свидетельствовавшие об осведомленности следствия, могли догадаться, что эти сведения исходят от Пестеля, но могли также и

приписать их доносчику А.И. Майбороде, сослуживцу Пестеля и Лорера, пользовавшемуся доверием полковника. Лорер не мог осудить казненного друга, он искал Пестелю оправдания. Лорер, которого, как и других, настойчиво допрашивали о местонахождении рукописи *Русской Правды*, спрятанной незадолго до начала арестов, не признавался, пока ему не предъявили показание самого Пестеля. “До Пасхи комитет не мог открыть, где хранится *Русская Правда*, и ее нашли только тогда, когда Пестель, понимая вполне свое положение – он знал очень хорошо, что его ожидает смерть [...] и опасаясь, чтоб труд его 12-летний не погиб совершенно напрасно без следа, решился указать и место, где она хранилась, и человека, который ее туда зарыл” – объяснял Лорер в своих записках (Лорер 1984: 97–99). В действительности, показание Пестеля о месте, где спрятана *Русская Правда* было предъявлено Лореру не перед Пасхой, а уже 16 января (*Восстание декабристов*, т. 4: 122–123). Рукопись была найдена и 13 февраля привезена в Петербург. В воспоминаниях Лорера эти события смещены почти на три месяца позже, с января на апрель. Возможно, ему хо-

телось думать, что Пестель боролся до последней возможности.

В отличие от Лорера, у Н.В. Басаргина во время следствия иллюзий относительно Пестеля не было. Басаргин до конца марта 1826 г., в течение трех месяцев, отрицал, что состоял в Южном обществе, признавался только в недолгом участии в Союзе Благоденствия и утверждал, что давно отошел от тайного общества и считал его пустой затеей. Следственный Комитет стремился вынудить у него признание, что он не только состоял в Южном обществе с самого его учреждения, но и знал о планах учреждения республики и царевубийства, что являлось тягчайшими пунктами обвинения. Из полученных вопросов Басаргин догадался, что сведения исходят от Пестеля, и в ответах не скрывал возмущения: заявил, что Пестель был главной фигурой в тайном обществе, втянул в него остальных, а теперь, “сделав нас жертвами несчастья, делается нашим обвинителем и даже обвинителем несправедливым, ибо обвиняет нас в таких действиях, кои были известны ему одному” (*Восстание декабристов*, т. 12: 298). В мемуарах Н.В. Басаргин постарался не сказать ничего,

что могло бы бросить тень на казненного Пестеля. Поэтому рассказ его о следствии получился уклончивым и неясным. Он предпочел рассказать о чувствах и мыслях узника и повторил общую версию о недобросовестности Следственного Комитета, который преувеличил вину обвиняемых, представив мимолетные разговоры как решения тайного общества.

Особенностью воспоминаний декабристов является избегание того, что могло бы бросить тень на товарищей. Ничего негативного и нелицеприятно о союзниках в воспоминаниях декабристов нет; тяжелые черты характеров, неприязнь, ссоры, которые не могли не случаться в течение длительного общего житья в заключении, обойдены полным молчанием. Этим декабристская мемуаристика разительно отличается от более поздней автобиографической традиции. Особенно любопытно отметить контраст с близкой по времени создания автобиографической книгой *Былое и думы* А.И. Герцена, считавшего себя ближайшим наследником декабристов, но в обсуждаемом отношении поступившего противоположным образом и подробнейшим образом описавшего и явив-

шего миру даже незначительные размолвки и несогласия в своем дружеском кругу, сокровенные интимные семейные обстоятельства, нелицеприятные портреты близких. Для декабристов принципиально важным было сохранение чести и репутации, для Герцена – малейшие оттенки личных переживаний и исповедальный тон.

Единственное среди декабристов исключение представлял оставивший записки Д.И. Завалишин, человек сложной психики, с чрезвычайно завышенной самооценкой, склонный к высокомерному хвастовству, фантазированию, болезненному преувеличению собственного значения. По заключению Н.П. Матхановой, он “стремился не описать собственную жизнь, а подчеркнуть значение и влияние своей личности и деятельности”, что только подтверждает “особую тенденциозность” мемуаров Завалишина (Матханова 2010: 170). Во время следствия эта его доминирующая черта вступила в драматическое противоречие с нуждами самозащиты: Завалишину одинаково хотелось и выставить себя самым значительным из деятелей тайного общества, и оправдаться. Его воспоминания отличаются от

остальной декабристской мемуаристики выраженной субъективностью и готовностью сообщать негативные, а то и несправедливые вещи о товарищах (Завалишин 1906; Завалишин 2003). Это ставит исследователя в сложное положение: может быть, как раз Завалишин откровенно рассказал то, о чем остальные умалчивали? Но различить, в каких случаях ему стоит доверять, а в каких – нет, практически невозможно.

Совсем иного свойства характер искажения реальности свойственен мемуарному наследию братьев Николая и Михаила Бестужевых (Бестужевы 2005). Записки М.А. Бестужева настолько хорошо написаны и увлекательны, что неизменно очаровывали исследователей и имели у них великолепную репутацию. Их очень высоко оценил М.К. Азадовский, публикатор и автор обстоятельного исследования бестужевских мемуаров, отметивший их точность, достоверность, а также литературные достоинства. На мой взгляд, как раз литературные достоинства и являются главной проблемой воспоминаний М.А. Бестужева. Как всякий хороший рассказчик он понимал, что красивую, увлекательную историю можно со-

здать, лишь дополнив, приукрасив реальность. А как литератор, находился под влиянием романтизма. Проверив несколько эпизодов, можно видеть, как преображались события под его пером.

Хорошо известен рассказ Михаила Александровича об изобретении 'тюремной азбуки', способа переговариваться, перестукиваясь через стену. Во время следствия Михаил и Николай Бестужевы сидели в соседних камерах Алексеевского равелина Петропавловской крепости. По словам Михаила Александровича, перестукиваться они начали незадолго до Пасхи и использовали этот новый способ коммуникации для согласования показаний (Бестужевы 2005: 121, 396). Одно обстоятельство портит эту красивую историю: Михаила Бестужева в то время уже не допрашивали, его вообще допрашивали немного, причем за все следствие братья ни разу не получили сходных вопросов, которые бы имело смысл согласовывать. Само по себе существование азбуки сомнения не вызывает, Бестужевы пользовались ею в Петропавловской крепости, а позднее научили товарищей в Шлиссельбургской крепости, где их содержали до отправки в Сибирь. Об азбуке упомина-

ют их сестра Е.А. Бестужева, И.И. Пущин (поведавший о ней в одном из писем к отцу), Д.И. Завалишин (Азадовский 2005: 651). Но для согласования показаний она не могла послужить Бестужевым.

Можно обнаружить и другие подобного рода преувеличения в рассказах М.А. Бестужева. Он был человеком добросовестным, правдивым, в отличие от Трубецкого, не имел нужды скрывать что-то из обстоятельств следствия, он держался твердо, дал минимум показаний, спас многих офицеров, умолчав об их причастности к восстанию, словом, у него были все основания гордиться своим поведением. Приукрашивание событий в его записках имело сугубо литературные причины. Дело было не только в стремлении сделать рассказ более занимательным, желании обосновать правильность своего жизненного выбора, наконец, некоторой склонности к идеализации своей молодости. Главное, на мой взгляд, в том, что М.А. Бестужев ориентировался на готовые литературные образцы. Сам он неоднократно упоминал книгу итальянского революционера Сильвио Пеллико, которая произвела на него сильное впечатление. Бестужев при-

знался, что брал ее за образец, принимаясь за свои мемуары, и даже заимствовал у Пеллико название *Мои тюрьмы* (Азадовский 2005: 651). Какие еще книги повлияли на него и определили характер его записок, мы в точности не знаем, поскольку нет точных сведений о круге его сибирского чтения. К тому времени в европейской литературе уже существовала и богатая мемуаристика разнообразных политических узников, и традиция поэтического и беллетристического описания жизни в тюрьме, от *Шильонского узника* Дж. Байрона (1816) до *Графа Монте-Кристо* А. Дюма (1844–1845). Что из этого могли прочесть братья Бестужевы, мы в точности не знаем.

Проблема литературных влияний на жанр воспоминаний довольно широка и не сводится к заимствованию каких-то определенных повествовательных приемов. Скорее речь идет об отборе тем и сюжетов повествования, представлениях о том, какими должны быть хорошо написанные мемуары и что интересно читателю. Например, М.А. Бестужев, как и большинство декабристов, описывая период заключения в Петропавловской крепости, довольно мало говорит о допросах как таковых, в центре

его внимания – сама тюрьма, условия заключения, чувства и переживания узника. И здесь, на перекрестье представлений декабристов о самих себе и о деле, приведшем их в Сибирь (а эти представления у некоторых из них за годы ссылки претерпели существенные изменения), о задачах самопрезентации и ориентации на литературные образцы, причем последнее зачастую современникам кажется самоочевидным и не нуждающимся в артикуляции, – рождается неочевидная специфика декабристской мемуаристики.

В самом деле, о чем конкретно должен писать воспоминания переживший сибирское изгнание декабрист? Нам декабристы интересны как участники первого в России общественно-политического движения. Несомненно, сами они также именно в этом видели свою историческую миссию, о которой следовало оставить свидетельство. Парадокс в том, что в общей массе декабристских мемуарных текстов рассказы о тайных обществах, а особенно об идеях и идейной эволюции их участников, занимают не так много места. К тому же авторы обстоятельных воспоминаний М.А. Бестужев, А.П. Беляев, А.С. Гангеблов в тайном обществе со-

стояли сравнительно недолго, а А.Е. Розен примкнул к нему только накануне 14 декабря. Авторы воспоминаний с удовольствием повествовали о семье, родителях и родне, о своей военной службе, участии в войнах, и особенно подробно – о сибирском периоде жизни, более близком ко времени работы над записками и потому лучше помнившимся. Где-то между этим присутствуют страницы о тайном обществе. Оставивший прекрасные записки С.Г. Волконский основное внимание уделил своему боевому прошлому и военной службе. Из трехсот книжных страниц его записок на период, когда он был членом тайных обществ, приходится около полусотни страниц, причем включая службу, путешествия, женитьбу и проч. Волконский довел повествование до сцены первого допроса, на этом записки обрываются (Волконский 1991). В сумме, декабристские воспоминания не так уж много рассказывают собственно о тайных обществах, и еще меньше об их идейной стороне.

Как ни странно, в мемуарах практически не содержится ответа на вопрос, каким образом и почему эти молодые, преуспевавшие офицеры, герои наполеоновских войн, со-

ставили тайное общество, как формировалось их мировоззрение. Что привело в ряды мятежников князя Сергея Волконского, отпрыска одной из знатнейших фамилий, флигель-адъютанта императора и героя, ставшего генералом в 25 лет? Сам он обмолвился об этом буквально несколькими фразами, заметив, что события 1814 и 1815 годов заронили в его мысли “зародыш обязанностей гражданина”, вытеснивших привычку “слепого повиновения, отсутствия всякой самостоятельности”, что оказавшись в 1819 г. в Киеве в кружке М.Ф. Орлова, где обсуждали недавние европейские события и “параллель с нашим государственным бытом, с ничтожеством наших народных прав, скажу, гнета нашего государственного управления резко выказалась уму и сердцу многих” и оказалась созвучна чувствам самого Волконского. “Я понял, что преданность отечеству должна меня вывести из душного и бесцветного быта ревнителя шагистики и угоднического царедворничества” (Волконский 1991: 348, 358–359). Более развернутого описания своей внутренней эволюции декабрист не оставил.

Аналогичную особенность отметил М.К. Азадовский, гово-

ря о записках М.А. Бестужева, которые “не дают полного представления о том, как складывался и рос у братьев Бестужевых революционный образ мысли, приведший их всех, одного за другим, в ряды Тайного Общества. М. Бестужев говорил о своем участии в нем как о чем-то само собой разумеющемся и безусловном” (Азадовский 2005: 595). Действительно, протекшие десятилетия, исподволь существенно изменившийся интеллектуальный климат русского общества сделали вопрос о причинах создания тайных обществ, формировании вольного образа мыслей как бы самоочевидным. В воспоминаниях декабристов можно найти рассказ о тех или иных чертах государственного быта, вызывавших их возмущение, но не изложение давнего хода мысли. Пожалуй, единственный из них, кто попытался описать эту эволюцию, был И.Д. Якушкин. Если Волконский противопоставил “обязанности гражданина” – “отсутствию самостоятельности”, то Якушкин зафиксировал некую остро ощущаемую смену ритма эпохи: “В 1814 году существование молодежи в Петербурге было томительно. В продолжение двух лет мы имели перед глазами

великие события, решившие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо смотреть на пустейшую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них на 100 лет". И прибавил к этому усиливающую ремарку: "У многих из молодежи было столько избытка жизни при тогдашней ее ничтожной обстановке, что увидеть перед собой прямую и высокую цель почиталось уже блаженством" (Якушкин 1993: 79, 84). Заметим, что честные перед собой, оба декабриста старались передать именно трудноуловимое настроение того времени, тогда как повествовательно гораздо легче было бы перевести его на язык более поздней социальной критики, написав, что их возмущали неравенство людей, крепостное право, беззаконие и пр. Якушкин, собственно, и ввел в повествование такой эпизод, сцену с крестьянином, наказанным за то, что бросился наперерез лошади, на которой скакал император Александр; более того, как раз Якушкину легче других было сделать такого рода повествовательную подмену, поскольку он лично предпринял попытку

освобождения своих крестьян, о чем и говорил в записках (Якушкин 1993: 78–79, 81). Но он постарался в точности выразить именно умонастроение описываемой эпохи. И был действительно весьма точен, поскольку на следствии, отвечая на вопрос о причинах распространения вольнодумства, сказал именно об осознании пагубности крепостного права, а также свойственной ему тогда "молодости, необузданной пылкости нрава, страсти и вместе с сим ощущаемый какой-то избыток жизни" (*Восстание декабристов*, т. 3: 44). Параллелью к этому ощущению Якушкина служат знаменитые слова Пестеля о том, что "дух преобразования составляет, так сказать, везде умы клокотать [*fait bouillir les esprits*]" (*Восстание декабристов*, т. 4: 105). Совпадение, возвращающее нас к столь сложной разновидности автобиографического жанра, как показания на следствии. С этой точки зрения упомянутые развернутые автобиографические показания П.И. Пестеля заслуживают нового прочтения. Представляется, что несмотря на многократное цитирование, этот текст недооценен, а интеллектуальная биография Пестеля нуждается в новом, современном осмыс-

лении, которое могло бы выявить нетривиальную логику мышления этого неординарного человека⁵.

Мемуарные тексты декабристов имеют ряд общих черт, обусловленных как общностью судьбы, так и сходством их моральных установок. Показательно, что даже беглое сопоставление их с *Былым и думами* А.И. Герцена выявляет глубокое различие в подходе к самопрезентации, в понимании того, что подлежало или не подлежало публичному рассказыванию. Индивидуальное выстраивание каждым из декабристских мемуаристов автобиографического нарратива могло бы стать предметом отдельного исследования.

⁵ В последней из изданных научных биографий декабриста его интеллектуальному облику уделено прискорбно мало внимания (Киянская 2002).

Библиография

Азадовский 2005: М. Азадовский, *Мемуары Бестужевых как исторический и литературный памятник* // М. Азадовский (Ред., статья и комм.), *Воспоминания Бестужевых*, Наука: Лит. Памятники, СПб., 2005 (репринтное воспроизведение издания 1951 г.).

Беляев 1882: А. Беляев, *Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном*, Изд. А. С. Суворина, СПб., 1882.

Беляев 1990: А. Беляев, *Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном*, Красноярское книжное изд., Красноярск, 1990.

Бестужевы 2005: М. Азадовский (Ред., статья и комм.), *Воспоминания Бестужевых*, Наука: Лит. Памятники, СПб., 2005 (репринтное воспроизведение издания 1951 г.).

Волконский 1991: С. Волконский, *Записки*, Сост. А. Тихановская, Н. Караш, Б. Капелюш, Вост.-Сиб. кн. изд., Иркутск, 1991.

Восстание декабристов: *Восстание декабристов. Материалы*, М.-Л.; М., 1925-2016, тт. 1-23.

Гангеблов 1888: А. Гангеблов, *Воспоминания*, Университетская тип.-фия, М., 1888.

Даревская 1990: Е. Даревская, *Завершен ли спор о С.П. Трубецком?*, «История СССР», 1990, V, с. 151-160.

Дробышевская, Мищенко, Мордвинова, Стельмашок, Шишкина 1994: Н. Дробышевская, Т. Мищенко, В. Мордвинова, Г. Стельмашок, В.Шишкина (Сост.), С. Мироненко (науч. ред.), *Движение декабристов: Указ. лит., 1977-1992*, ГПИБ, М., 1994.

Дружинин 1985: Н. Дружинин, *С.П. Трубецкой как мемуарист* // Н. Дружинин, *Революционное движение в России в XIX веке: Избранные труды*, Наука, М., 1985, с. 357-383.

Завалишин 1906: Д. Завалишин, *Записки*, Тип. Сириус, СПб., 1906.

Завалишин 2003: Д. Завалишин, *Воспоминания*, Захаров, М., 2003.

Киянская 2002: О. Киянская, *Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик*, Параллели, М., 2002

Лорер 1984: Н. Лорер, *Записки декабриста*. Публ. М. Нечкина, Восточно-Сибирское книжное изд., Иркутск, 1984.

Лунин 1987: М. Лунин, *Письма из Сибири*. Публ. И. Желвакова, Н. Эйдельман, Наука, М., 1987.

Матханова 2010: Н. Матханова, *Сибирская мемуаристика XIX века*, Изд. СО РАН, Новосибирск, 2010.

Миронова 1963: И. Миронова, *Записки И.Д. Якушкина как исторический источник // Проблемы источниковедения*, вып. 11, Изд. АН СССР, М., 1963.

Муравьев 1931: А. Муравьев, *Мой журнал // Ю. Оксман, С. Чернов (Под ред.), Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов*, Изд. политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М., 1931, т. 1, с. 131–151.

Нечкина 1955: М. Нечкина, *Движение декабристов*, Изд. АН СССР, М., 1955, т. 1.

Предтеченский 1931: А. Предтеченский, *Декабрист П.И. Фаленберг // Ю. Оксман, С. Чернов (Под ред.), Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов*, Изд. политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М., 1931, т. 1, с. 231–245.

Розен 1984: А. Розен, *Записки декабриста*. Вост.-Сиб. кн. изд., Публ. Г. Невелев, Иркутск, 1984.

Трубецкой 1983: С. Трубецкой, *Материалы о жизни и революционной деятельности*. Публ. В. Павлова, Вост.-Сиб. кн. изд., Иркутск, 1983, т. 1.

Фонвизин 1982: М. Фонвизин, *Обозрение проявлений политической жизни в России // М. Фонвизин, Сочинения и письма*. Публ. С. Житомирская, С. Мироненко, Вост.-Сиб. кн. изд., Иркутск, 1982, т. 2.

Ченцов, Пиксанов 1929: Н. Ченцов (Сост.), Н. Пиксанов (ред.), *Восстание декабристов: Библиография*, Гос. Изд., М.–Л., 1929.

Штейнгейль 1985: В. Штейнгейль, *Сочинения и письма*, т. 1: *Записки и письма*. Публ. Н. Зейфман, В. Шахеров, Вост.-Сиб. кн. изд., Иркутск, 1985.

Эдельман 1995: О. Эдельман, *Воспоминания декабристов о следствии как исторический источник*, «Отечественная история», 1995, VI, с. 34–44.

Эдельман 2010: О. Эдельман, *Следствие по делу декабристов*, Модест Колеров, М., 2010.

Эймонтова 1960: Р. Эймонтова при участии А. Соленниковой (Сост.), М. Нечкина (под общ. ред.), *Движение декабристов: Указ. лит., 1928–1959*, Изд. Всесоюз. книжной палаты, М., 1960.

Эймонтова 1983: Р. Эймонтова (Ред.-сост.), В. Барашкова, А. Лисман, Ю. Струков и др. (сост.), М. Нечкина (Отв. ред.), *Движение декабристов: Указ. лит., 1960–1976*, Наука, М., 1983.

Якушкин 1951: И. Якушкин, *Записки декабриста*, Сост. С. Штрайх, Изд. АН СССР, М.; Л., 1951.

Якушкин 1993: И. Якушкин, *Мемуары. Статьи. Документы*, Изд. подгот. В. Порох, И. Порох, Вост.-Сиб. кн. изд., Иркутск, 1993.